

4. Верди D.
5. Аида. o
6. Тира.

Мастер оперы
и балет

ОМСКАЯ ПРАВДА
г. ОМСК

27 ИЮН 1980

Гастроли Башкирского театра оперы и балета

Достоинство рабыни

«АИДА» Дж. Верди. Дирижер Г. Мутадов. Художник — засл. деятель искусств РСФСР В. Плехунов. Хормейстер — засл. деятель искусств РСФСР Л. Исхакова.

Чести исполнителя нужно сказать, что в партии Радомеса редко теперь слышишь такой крупный, красивый звук, немного певцов, обладающих таким мощным дыханием, и любителям классического пения не могла не доставить удовольствия та легкость, с какой певец «перекидывала» звук через платный, насыщенный медью оркестр, особенно в сценах храма и площади, в дуэте с Амнерис в последнем акте.

Всего в двух сценах появляется в спектакле Амонасро (Д. Размаревский). Многие исполнители ограничиваются чисто внешними эффектами партии (а партия эта необыкновенно красива от первой до последней ноты). Тут есть где разойтись баритону — так лолон скрытой ненависти и вероломства рассказ Амонасро о своей мнимой гибели и взрыва страсти в сцене у Нила, когда любовь к дочери, левинная гордость и жажда мщения образуют какой-то яростный клубок. Чего стоит хотя бы страстный призыв, обращенный к дочери «вспомни, что весь народ одна слава твоя».

Здесь, на вершине всемогущества начинается крах Амнерис. Она не понимает, почему все прелести мира, которые она бросает и когем Радомеса, не волнуют его, она в ужасе от того, что власть и богатство не могут унижить гордость жалкой рабыни.

Здесь, на вершине всемогущества начинается крах Амнерис. Она не понимает, почему все прелести мира, которые она бросает и когем Радомеса, не волнуют его, она в ужасе от того, что власть и богатство не могут унижить гордость жалкой рабыни.

Здесь, на вершине всемогущества начинается крах Амнерис. Она не понимает, почему все прелести мира, которые она бросает и когем Радомеса, не волнуют его, она в ужасе от того, что власть и богатство не могут унижить гордость жалкой рабыни.

Здесь, на вершине всемогущества начинается крах Амнерис. Она не понимает, почему все прелести мира, которые она бросает и когем Радомеса, не волнуют его, она в ужасе от того, что власть и богатство не могут унижить гордость жалкой рабыни.

Здесь, на вершине всемогущества начинается крах Амнерис. Она не понимает, почему все прелести мира, которые она бросает и когем Радомеса, не волнуют его, она в ужасе от того, что власть и богатство не могут унижить гордость жалкой рабыни.

Здесь, на вершине всемогущества начинается крах Амнерис. Она не понимает, почему все прелести мира, которые она бросает и когем Радомеса, не волнуют его, она в ужасе от того, что власть и богатство не могут унижить гордость жалкой рабыни.

Смычок тронет струну так легко, что в первое мгновение будет даже непонятно, возник ли звук или нам это только показалось. Потом станет странно, что он не исчез, нежная и печальная тема застынет в тишине, и дирижерская палочка в который уже раз вызовет к нам этих духов, и они послушно появятся, гордые, прекрасные лики, искаженные страстью и болью лики Аиды и Радомеса, Амнерис и Амонасро, они придут, чтобы снова рассказать нам свою историю. И музыка снова сотворит свое неизменное чудо — все будет как в первый раз, потому что сколько бы ты не знал про любовь и торжество, ты все равно не будешь знать всего. Потому что когда царица любит того, кто сделал ее рабыней, — это странно, когда ее обязуемая соперница — прекрасная, в блеске богатства и славы, Амнерис — это не сулит ничего хорошего обделенной Аиде. И если нужно при этом каждую минуту выбирать между любимым и отцом — то это безумно.

Безмоздность — вот удел Аиды. Терзания и гибель — ее путь. Аида — Э. Маншикова в спектакле Башкирского театра оперы и балета — не мигающаяся девочка, пытающаяся переломить неумолимую логику событий. Она заранее знает все. В ее арии-молебного первого акта нет надежды. Но нет в ней и смирения. Нет в ней безумной страсти. Но есть в ней мудрость и стойкость человека, выбравшего уже свое оружие в борьбе против жестокости этого мира. Это ее гибель. Но и это оружие может быть неотразимым. И оно может заставить врага усмириться в своей правоте. О чем молить богов такому человеку? Дать силы пройти до конца назначенный путь. Тогда ария — не призыв к

богам, а скорее разговор с самой собой, попытка оценить силы перед решающим шагом. Чувства боится провалиться наружу, все в себе, но страсть, загнанная так глубоко, волнуется еще больше. Несколько приглушенным, я бы сказал затаенным вокалом певца заставлял нас как бы заглянуть в душу своей Аиды, — и мы ужасаемся бездне отчаяния и готовности на все.

Я помню многих рабынь, увлеченных страстью к юному Радомесу, обезумевших от любви или от ненависти к Амнерис, — такую я слышу впервые. Забываю, что это юная эфиопка Аида борется за Радомеса с дочерью египетского царя, думаю о том, какая это недолжная сила — гордыня. Знаю, что Аида упрям, но не могу не согласиться с каждым ее шагом, ибо знаю, чувствую его скрытый смысл, не могу не встать под ее знамена, на которых начертано — человеческое достоинство.

Я понимаю теперь, почему выбор Аиды пал на Радомеса. Дело не в его чистоте и не в отваге. Среди этих фанатиков, среди этих застывших масок смерти Радомес — единственный живой человек. Сердце, способное любить драгоценный дар, и это понимает не только Аида. Поэтому именно на нем скрестятся страсти, ангел и дьявол заявят свои права на это открытое, простодушное сердце. Поэтому Радомес (засл. арт. БАССР В. Канич) будет по-настоящему верить, что счастье возможно, что право любить — святое право человека, не понимая, что он лишь повод, ритмический насилие и достоинство!

Вокал В. Канича достаточно традиционен, но это не упрек певцу просто в рамках спектакля, а вещь, вещь которого в противостоянии Аиды и Амнерис, это закономерно. Зато к

В. КАРНАУХОВ.